

Долгосрочные проблемы образования

АНДРЕЙ ВОЛКОВ,
*проректор АНХ
при Правительстве РФ,
декан Московской школы
управления «СКОЛКОВО»*

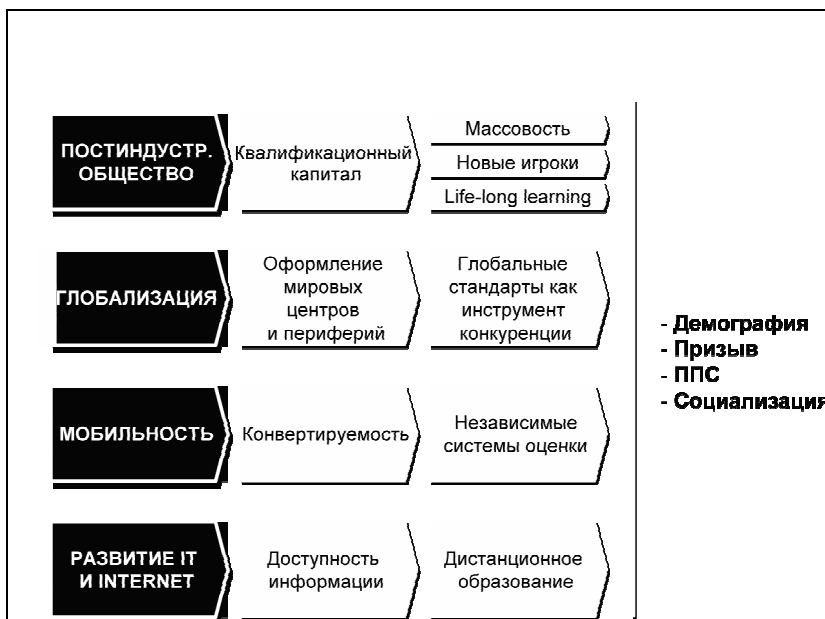
30-летие Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации – символическая дата. Как показывает опыт, решения, принятые сейчас, дадут серьезный макроэффект только через 20–30 лет. В этом ключе представляется интересным поговорить о проблемах образования. Осенью 2007 г. в журнале «Эксперт» вышла целая серия интересных статей о том, «что надо делать в Российской Федерации» в краткосрочной перспективе. Но анализ результатов деятельности академии по истечении этих 30 лет заставляет оперировать гораздо большим временным лагом.

И это мы должны учитывать, когда, например, откладываем решение по институциональным изменениям в образовании на будущее.

Следует обратить внимание на тот факт, что большинство стран мира рассматривают отечественную систему образования как передовую и по результатам, и по институциональному развитию.

Многие говорят о том, что у нас исторически сложилась особая ситуация в образовании. Здесь я бы утверждал обратное. Российская Федерация, как и страны «восьмерки» (и даже в первую очередь), испытывает те же вызовы и те же проблемы.

Изменение характера общественного, частного производства стало причиной появления по меньшей мере четырех интересных тенденций (см. *рис. 1*).

Рис. 1. Тенденции в развитии образования

В первую очередь – это *массовость*. За 15 лет количество студентов в мире (особенно в развитых странах) увеличилось в 2 раза. Это очень высокий темп по сравнению с другими областями общественной жизни.

Поскольку вузы и университеты не справляются с таким характером изменений на рынке труда, создаются другие операторы образо-

вательного рынка: примерно 2 тыс. корпоративных университетов за последние 20–25 лет. Только в одних Соединенных Штатах Америки рынок переподготовки кадров составляет 70 млрд долларов. По некоторым оценкам, в России стоимость только краткосрочных программ достигает 300–350 млн долларов. Иными словами, отнюдь не одни университеты являются «заветными» игроками на рынке. И, конечно, общий тренд в развитых странах и в Российской Федерации (мы здесь, к сожалению, отстаем) – это построение систем непрерывного образования.

Вторая тенденция, как представляется, еще более ярко или даже агрессивно проявляющаяся и в странах «восьмерки», – это так называемая *глобализация*. Вслед за принципиальным изменением транспортных и телекоммуникационных решений, вслед за перераспределением системы производств, в образовании, особенно в последние 10 лет, начались примерно такие же процессы. Не говоря даже об объемах миграции студентов, когда только экспорт образования составляет примерно 50 млрд долларов. Еще 15 лет назад о подобном и не мыслили.

Еще более важным, даже тревожным, для нас является факт *конкуренции стандартов*. Сейчас стандарты определяются не только и не столько национальными системами образования, сколько ведущими центрами. Кто первый выпускает стандарты или первый фиксирует стандарты в глобальном пространстве, тот и выигрывает конкуренцию.

Мобильность образования. Всего за 7 лет мобильность выросла в 2 раза (в 2 раза быстрее, чем массовость). Здесь, к сожалению, по сравнению с Советским Союзом Российская Федерация утратила свои позиции. Россия контролирует примерно 0,2–0,3% мирового рынка экспорта образования. Для сравнения: Соединенные Штаты – 27%, Великобритания – 10–11%, Германия, Франция – 7–8%.

На долгосрочную перспективу нам нужно ставить амбициозную цель – выйти на 5–7%, лучше 10% мирового экспорта образования.

Обратимся к проблеме интернетизации образования. Очень важно то, что на уровне среднего образования все учебные заведения страны уже подключены к Интернету. Это повлекло за собой прин-

ципиальные изменения в характере преподавательского труда. В современных университетах изменилась роль преподавателя как таковая за счет того, что информация становится принципиально доступной. Существует масса международных кампусов, где лекции одновременно транслируются в 5–6 мест, и экспонированность профессора имеет, таким образом, совсем другой характер.

На фоне этих тенденций важной проблемой остается демографическая ситуация в России, которая сильно сказывается на процессе образования. Об этом подробно писалось. В частности, в сентябре вышла статья В.А. Мау о финансовых проблемах последствий такой демографической ситуации.

Представляется неоспоримым тот факт, что существующая схема призыва до сих пор оказывает серьезное влияние на конфигурацию нашей системы высшего образования, в первую очередь на то, кто и зачем поступает в аспирантуру. Сегодня мы наблюдаем огромный разрыв (примерно в 15 лет) между новым и старым поколениями профессорско-преподавательского состава. В 1990-х годах наиболее активная часть интеллектуалов вышла из системы образования и стала заниматься другими – более интересными – возможностями развития на рынке.

Несмотря на то что ситуация в последние годы стала меняться, социальные мотивы в образовании преобладают над профессиональными и научными. Для сравнения: наша страна – чемпион в мире по числу студентов на 10 тыс. человек, количество россиян с высшим образованием достигло 55%, и большая часть (свыше 90%) выпускников попадают в систему высшего образования. Это позитивная тенденция, но неотрегулированность самой структуры образования приводит к серьезному искажению качества.

Четыре названные тенденции приводят к серьезным институциональным сдвигам за последние 10–20 лет. Все развитые страны предприняли решительные попытки изменить институциональные структуры, институциональную основу образования. Образно говоря, началась вторая автономизация университетов с циклом примерно в 200–250 лет, что приводит к созданию внешних, совсем другого рода структур управления университетами (в первую очередь – по-

печительских и наблюдательных советов). Происходит, особенно в последние 10 лет, радикальная профессионализация менеджмента университетов. Часто к управлению университетами приходят не самые блестящие ученые и не самые известные люди из академической среды, а профессионалы в области управления, поскольку университеты становятся большими корпорациями, управлять которыми нужно уже по несколько другим принципам, чем это было 200 лет назад. Напомним, что оборот Гарварда составляет 27 млрд долларов, что позволяет говорить о нем как о серьезной финансовой корпорации. В данных обстоятельствах на повестку дня встает вопрос о необходимости смены модели финансирования (см. *рис. 2*). Большинство стран меняют схему, по которой финансируются университеты и высшее образование. Осуществляется уход от детального регламентирования (в нашем понимании – от сметы) к финансированию «одной строкой», что возможно при переходе на так называемое нормативно-подушевое финансирование. Кстати, в Российской Федерации сложилась очень интересная ситуация: средняя школа – гораздо более передовой в этом смысле институт, чем университет. Школа стремительнее и быстрее переходит на нормативно-подушевое финансирование, чем система высшего образования. А для нашей страны это – задача самой ближайшей перспективы.

УПРАВЛЕНИЕ	ФИНАНСИРОВАНИЕ
<ul style="list-style-type: none"> • Усиление роли внешних структур • Профессионализация менеджмента • Автономия университета 	<ul style="list-style-type: none"> • Финансирование «одной строкой» (НПФ) • Образовательные кредиты • Endowment • Прямое гос. финансирование новых проектов

Рис. 2. Институциональные изменения

Об образовательном кредитовании говорится уже на протяжении 10 лет. Это простой институт и, очевидно, весьма выгодный. Отметим, что сдерживает развитие этого института не столько банковская ставка, сколько неотрегулированность структуры. Недавно президент России подписал Закон, касающийся структурных изменений при переходе к двухуровневому образованию. И, как нам представляется, это окажет гораздо большее влияние на кредитование в образовании.

В 2006 г. был принят закон, касающийся порядка формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций (Endowment), который важен не столько в финансовом смысле, хотя многие трактуют Endowment исключительно как финансовый инструмент. Дело в том, что Endowment запускает совсем другую структуру управления университета, поскольку Endowment-фондом управляет, как правило, сторонняя управляющая компания, не принадлежащая непосредственно вузу и оказывающая влияние на его стратегию.

Наконец, тенденцией последних 10–15 лет, особенно в странах БРИК, является то, что правительства принимают очень амбициозные решения по целевому финансированию крупных национальных проектов. В России тоже стартовала такая система: встают на ноги два первых университета – Южный и Сибирский – как пилотные площадки создания таких национальных университетов, крупных национальных проектов в области образования.

Глубинно за этим кроются процессы, о которых мы упоминали ранее. Если возьмем планку даже не в 30 лет, а в 250 лет, то увидим, что фактически происходит радикальная, титаническая трансформация (см. *рис. 3*). Гумбольдтская модель связывала исследования и образование до конца XIX в. Практически весь XX в. университеты существовали как индустриальные фабрики массовой подготовки.

Университет исследовательский, университет мирового класса будет обладать принципиально иной структурой, где теоретические исследования будут сбалансированы с практическими разработками и с включением того и другого в учебный процесс. Потому что престижность современного университета мирового класса, его статус

исчисляются по международным публикациям, по патентам и лицензиям, а также по успеху выпускников, а не по их оценкам.

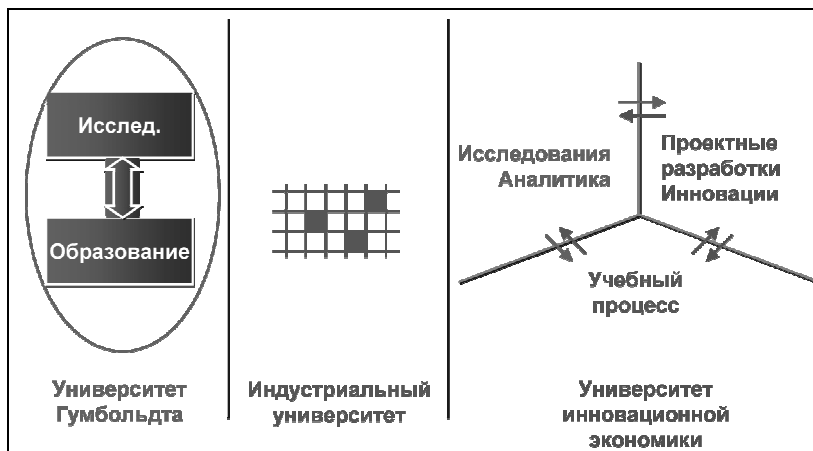

Рис. 3. Смена парадигмы университета

В заключение сделаем смелое предположение. На рис. 4 приведена структура высшего образования Соединенных Штатов, включающая 3,5 тыс. университетов, из которых примерно 150 относятся к пласту так называемых исследовательских университетов. И только эти 150 университетов получают финансовую поддержку в основном от федерального правительства в виде грантов.

Полагаем, что Россия должна ставить себе долгосрочную задачу по доведению 5–6 университетов до уровня мирового класса. В настоящее время, согласно разным рейтингам, МГУ перешел из первой сотни во вторую, а Санкт-Петербургский университет (два наших лучших вуза) – примерно в третью сотню.

Также нам представляется, что предыдущий опыт таких учебных заведений, как МФТИ, лучших медицинских вузов, позволяет ставить задачу по созданию профессиональных школ экстра-класса по типу французских. Франция в настоящее время решает ту же задачу – выведение этих школ на мировой уровень.

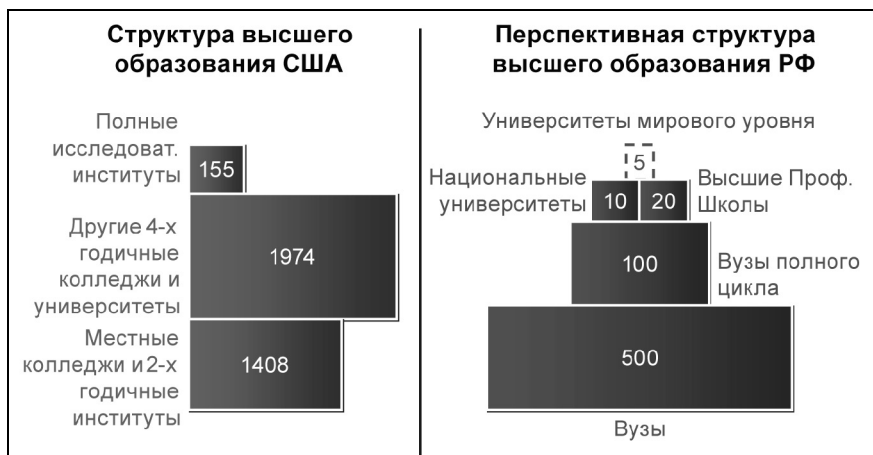

Рис. 4. Структурные изменения

О национальных университетах мы уже упоминали. Если в ближайшие 10–15 лет их будет создано 10 – это разумная цифра для нашей страны. И одна из проблем магистерской подготовки состоит в том, что мы не должны пытаться при переходе на двухуровневое образование внедрять ее во всех вузах страны. Если она будет сосредоточена примерно в 100 вузах, мы сможем с вами удержать качество нашей системы образования.